

МЫ РАБОТАЕМ ДЛЯ ВСЕХ ДЖУЛИО ПАПИ, ГЛАВА RENAUD & PAPI

«МЫ НЕ ПРОДАЕМ
ТОЛЬКО КОНЦЕПЦИЮ.
МЫ ПРОДАЕМ ГОТОВЫЙ
ПРОДУКТ И САМИ ЕГО
ПРОИЗВОДИМ»

Итальянец Джулио Папи — основатель часового конструкторского бюро Renaud & Papi, живущего собственной жизнью внутри огромного Audemars Piguet. Он — автор множества замечательных часовых моделей и учитель многих часовщиков, прошедших через его концептуальную школу.

— Вы давно знакомы с маркой Audemars Piguet. Как получилось, что Renaud & Papi стала ее частью?

— Она так и родилась. Это часть моей истории. После учебы я два года работал в Audemars Piguet. Мечтал заниматься сложными часами, а меня заставляли делать скелетные часы. И я возился с этими скелетами, все время думая: когда же я буду делать разные усложнения. И наконец мне сказали: ты — парень талантливый, сможешь этим заняться уже лет через двадцать.

— И вы с Домиником Рено решили не ждать?

— Да, в феврале 1986 года, ровно 25 лет назад, мы решили организовать собственную мануфактуру. Когда ты молод, кажется, что это просто. Мы отправились в Шо-де-Фон и получили первую работу. Ее нам дал великий Пюньер Блюмляйн — тогда глава IWC, мы сделали им модуль минутного репетира. И начиная с этого времени мы работаем для всех. Когда я говорю для всех, значит, для всех: для Jaeger-LeCoultre, для Breguet — для всех. Но мы ведь хотели настоящую собственную мануфактуру. В 1988-м мы считали, что за два года мы все сделаем, и стоит это будет лимона два швейцарских франков. Но в 1990-м ничего еще не было закончено, в 1991-м тоже и в 1992-м. Меж тем мы уже истратили восемь миллионов. Банки воротили от нас нос, и вот тогда мы пошли к тогдашнему главе Audemars Piguet Жоржу-Анри Мейлану. Он выслушал нас и предложил: ребята, я дам вам денег, но мы должны получить 52% акций. Это было единственное серьезное предложение. В общем с августа 1992-го мы уже более чем наполовину принадлежали Audemars Piguet. Затем в ноябре 1998-го Рено решил уйти, потому что все шло слишком хорошо, и он начал скучать. Доминик любит трудности. И он продал свои акции опять же Audemars Piguet, у которой оказалось 78,4%.

— Тогда почему Audemars Piguet вам разрешает работать на своих конкурентов, раз вы ей принадлежите с потрохами?

— Это было частью нашего договора в 1992-м. Мы сказали, что хотим работать и для других марок, потому что нам интересно. В конечном итоге в Audemars Piguet решили, что это и неплохо: во-первых, мы совершенствуемся, работая на других, а во-вторых, мы не висим у них камнем на шее, и они тоже могут работать с кем хотят. И вот, кроме главных акционеров мы работаем для Chanel или Richard Mille, или других наших клиентов, а в конце года 78,4% прибыли уходит к Audemars Piguet.

— У вас довольно авангардные усложнения, не изменяют ли они сложившийся образ марки?

— Времена меняются, есть множество течений, но странно было бы, если бы девушка Боттичелли рекламировала мобильник. Меняются автомобили, хотя мы помним их историю. Недавно я купил новый Fiat, он похож на

— Часы Jules Audemars Audemars Piguet с механизмом AP 2908 и мануфактурной системой спуска разработаны в проектом центре марки под руководством Джулио Папи

машину моего детства, но он совсем другой. Это интересная работа: сделать современной старую модель. В этом иногда больше уважения к оригиналу, чем в вечном копировании старого. Другой вопрос: насколько со вкусом это сделано? Если я куплю часы, то пусть они будут похожи на классические часы с круглым циферблатом и стрелками. Я с опаской смотрю на концептуальные часы многих моих молодых коллег, это современно и модно, но я бы лично купил что-нибудь более традиционное.

— Какое из часовых усложнений вы любите больше всего?

— Вечный календарь, потому что каждый день мне нужна дата. Я перебыл без секунд, даже без минут, а вот без числа мне не обойтись. Этот механизм меняет дату, учитывая даже високосные годы. Ни о чем не беспокоюсь, это очень комфортно, только не забывай заводить. Большое удовольствие — это репетир Grand Sonnerie, потому что они отбивают и полные часы, и четверти, звонят сами по себе и сопровождают музыкой мою жизнь. Ну а в театр или на вечеринку я надену тонкие часы Jules Audemars с турбийоном. Вот эти усложнения я готов носить на руке и готов делать по заказам сколько угодно раз.

— А как вы относитесь к тому, что вы придумываете кунштюки для каких-нибудь нетворческих марок, которые паразитируют на ваших умениях. Представьте себе ловчака, который купит у вас концепт часов, у других — детали, и сделает часы под своим именем. Да еще и будет их рекламировать.

— Есть такие, не очень много, но есть. Но мы ведь не продаем только концепцию усложнения, мы продаем готовый продукт и сами его производим. Мы не поставляем чертежи и не принимаем тех, кто приходит с готовой идеей и хочет заставить нас ее осуществить. У нас у самих полно идей, на всех хватит.

Беседовал Алексей Тарханов

— Renaud & Papi — подразделение Audemars Piguet и настоящая мануфактура внутри мануфактуры